РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В XX СТОЛЕТИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Вып. 3

НОВОСИБИРСК
"Наука-Центр"
2004

ББК Т3(2Р5)7
С73

Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Вып. 3. Новосибирск: Наука-Центр, 2004. 283 с.
ISBN 5-9554-0015-Х.

В сборнике исследуются актуальные и слабо изученные социально-демографические проблемы сибирского региона, связанные с его масштабным освоением в XX в. Рассматриваются планы административно-территориального деления Сибири, проекты создания "социалистических городов" и реальные процессы развития городских поселений, обусловленные воздействием политических и экономических факторов. Раскрываются ключевые тенденции и особенности воспроизводства населения, адаптации переселенцев, формирования трудовых коллективов. Анализируются изменения в социальной сфере и жизненном уровне сибиряков.

Утверждено к печати

Ученым советом Института истории СО РАН и Советом Института молодежной политики и социальной работы НГПУ

Рецензенты

канд. филос. наук А.М. Аблажей
д-р истор. наук А.А. Николаев

Редакционная коллегия

д-р истор. наук С.С. Букин (отв. редактор),
д-р истор. наук В.И. Исаев,
канд. истор. наук. А.И. Тимошенко (отв. секретарь).

Издание осуществлено при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований РАН № 236 "Этнокультурное взаимодействие в Евразии".

Без объявления

ISBN 5-9554-0015-Х

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	—	Архив внешней политики Российской Федерации
АИКМК	—	Архив истории Кузнецкого металлургического комбината
ГААК	—	Государственный архив Алтайского края
ГАИО	—	Государственный архив Иркутской области
ГАКО	—	Государственный архив Кемеровской области
ГАНО	—	Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	—	Государственный архив Омской области
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
КЦХИДНИ	—	Кемеровский центр хранения и изучения документов новейшей истории
НГГА	—	Новосибирский государственный городской архив
НФ ГАКО	—	Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	—	Российский государственный архив экономики
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд
ТО ЦДНИ	—	Томский областной Центр документации новейшей истории
ЦДНИИО	—	Центр документации по новейшей истории Иркутской области
ЦХАФАК	—	Центр хранения архивных фондов Алтайского края
ЦХИДК	—	Центр хранения историко-документальных коллекций
ЦХИДНИКК	—	Центр хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края

СОДЕРЖАНИЕ

А.И. Тимошенко

ИДЕИ СТРОИТЕЛЬСТВА "СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ" В ПЛАНАХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СИБИРИ (1920–1930-е гг.)

Планы "социалистической индустриализации" включали идеи создания особого вида промышленных поселений с максимальным обобществлением проживания и быта граждан, так называемых социалистических городов или городов — садов. Эти идеи отождествлялись с перспективами социалистического переустройства общества, высказывались уже в первые послереволюционные годы, но тогда они не получили большого количества сторонников. Измученные неустроенностью и дискомфортом военных лет люди не воспринимали их психологически. Пределом мечтаний для многих жителей советских городов, в большинстве своем страдавших от перенаселения, было спокойное семейное проживание в изолированном жилье, хотя и неблагоустроенном и небольших размеров.

Создание домов-коммун в эфемерном "городе — саде" пропагандировалось на I Всесоюзном съезде жилищной кооперации, проходившем в Москве в декабре 1923 г. Были выработаны даже соответствующие инструкции по жилищному и вообще городскому строительству в СССР по принципу "наибольшего обобществления быта с целью освобождения работников от тягот семейного хозяйства". Идеалом предлагалось считать не изолированную квартиру, которая должна быть лишь местом сна и занятий, требующих уединения, а общественные учреждения, "способные дать возможность трудящемуся использовать весь свой досуг рационально и интересно"[1]. В самой идее домов-коммун создатели таких проектов видели мощный фактор воспитания человека коммунистического завтра.

Резолюции съезда поступили во многие городские центры СССР, но, как правило, остались без особых последствий. В Сибрев-

фабрик-кухонь должно было исключить приготовление пищи в домашних условиях. Рассчитаны были средние нормы потребления продуктов питания на одного человека в месяц. Исходя из этих норм, планировалась продовольственная база Кузнецка, которую должны обеспечить прилегающие к городу села и агрокомбинаты при предприятиях. Основную торговую сеть города составят центральные торговые ряды, магазины всех видов и центральный продуктовый рынок. В то время планировалась как государственная, так и кооперативная торговля, намечалось также строительство в городе нескольких универмагов в отдельных зданиях и на первых этажах крупных жилых домов[12].

Объекты здравоохранения проектировались исключительно централизованные в едином социально-производственном комплексе, который включал также культурно-просветительные учреждения, охватывающие все население города из расчета примерно три — четыре посещения каждого взрослого человека в месяц. Центром культуры в новом городе предполагался Дворец культуры с театром на 2 тыс. мест, киноконцертным залом на 500 чел., рабочим университетом с лабораториями и кабинетами. Здесь же планировалась центральная библиотека с книгохранилищем на 150 тыс. томов и читальным залом на 350 чел. На левом берегу реки Томи при парке культуры и отдыха планировалось строительство Дома физкультуры и стадиона[13].

К сожалению, такой прекрасный проект не был воплощен в жизнь. В 1929 — 1930 гг. чрезмерное ускорение темпов промышленного строительства в Кузбассе нарушило всю гармонию комплексной социальной застройки. Чтобы как-то сгладить остроту жилищной проблемы, рядом с более или менее благоустроенными жилыми домами возводились бараки, различные времянки. Положение усугублялось тем, что на строительство Кузнецкого промышленного комплекса приезжали люди из соседних поселений Кузбасса, в которых жилищная проблема стояла очень остро. По данным переписи населения 1926 г., жилищная обеспеченность в Щегловске (ныне Кемерово) составляла 3,9 м^2 на человека, Кузнецке — 5,2, Прокопьевске — 3,1, Гурьевске — 5,8 м^2. В 1928/29 г. с началом промышленного строительства она еще более снизилась до 3,1; 2,9 и 2,7 м^2 соответственно[14].

Сохранились многочисленные свидетельства стремления решить социальные проблемы в короткий срок, изыскать различные

возможности обойтись минимальными капитальными вложениями. Вселяла надежду реализация идеи создания "социалистического города". Однако последующие события показали, что предполагавшиеся по проектам "социалистических городов" жилые комплексы-коммуны вообще нежизнеспособны. Не только их строительство на деле выглядело малопривлекательной авантюрой, но и подобный жизненный уклад не воспринимался населением. Утопическими оказались представления о максимальной "коммунизации" жилья и бытовой жизни, воспитании детей с малолетнего возраста вне семьи, планировании развития только общественного транспорта, унификации образования, здравоохранения, культурных навыков и представлений и еще о многом другом, что было заложено в саму идею создания "социалистического города". На деле реализация проектов "социалистических городов" приводила повсеместно к формированию социальной сферы по образцам казарменного коммунизма со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]**Государственный** архив Новосибирской области (**ГАНО**).Ф. 1130. Оп. 1. Д. 2а. Л. 7 об.
[2]Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1586. Л. 119.
[3]Там же. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 819. Л. 17.
[4]**Жизнь** Сибири. 1930. № 1. С. 95–96.
[5]**Сов. Сибирь**. 1930. 26 февр.
[6]**ГАНО**. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1586. Л. 11.
[7]Там же. Л. 69.
[8]**Сов. Сибирь**. 1930. 9 апр.
[9]Там же. 1931. 11 авг.
[10]**ГАНО**. Ф. 505. Оп. 1. Д. 416. Л. 3 — 4.
[11]Там же. Л. 6–7.
[12]Там же. Л. 8–12.
[13]Там же. Л. 4–13.
[14]Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1586. Л. 168.

В.А. Исупов

ЛЮДСКИЕ РЕСУРСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Мировые войны XX столетия характеризовались предельным использованием людского потенциала. Армии воюющих государств насчитывали миллионы солдат. Для их обеспечения и обслуживания было организовано массовое производство, в которое вовлекалось все трудовое население тыла. Во многих воюющих государствах не было человека, который так или иначе не стал бы прямым или косвенным участником войны. В ходе Второй мировой войны предельно ясно проявилась одна из самых циничных особенностей XX столетия: судьба отдельной личности оказалась в самом низу иерархии ценностей. Во всех воюющих странах независимо от их политического устройства (в демократических и в так называемых тоталитарных) значение имели только людские ресурсы в их массовом проявлении. Человек как личность со всеми его надеждами, страхами и радостями уступил место безликой массе.

Поскольку западносибирский регион сыграл в годы Великой Отечественной войны выдающуюся роль, как в военной, так и экономической сферах, изучение его людских ресурсов вполне может быть поставлена как отдельная проблема. Категория "людские ресурсы" вбирает в себя практически все население и подразумевает мобилизационный, трудовой, демографический потенциал страны в целом или ее отдельных регионов.

Важность людских ресурсов как важнейшего фактора войны была осознана в СССР задолго до начала боевых действий. Этому способствовал как опыт Первой мировой войны, так и анализ событий 1939 — начала 1941 гг., когда армия Германии, многочисленная, хорошо обученная и вооруженная, опираясь на развитую экономику и мощные людские ресурсы, сумела разгромить ряд европейских государств.

Одной из целей проведенной в СССР в январе 1939 г. всесоюзной переписи населения было определение объемов людских ресурсов как важнейшей составляющей военного потенциала страны. Перепись показала, что по СССР в целом (в границах до 17 сентября 1939 г.) численность населения превысила 170, 6 млн чел., в том числе в городах — 56,1 млн (32,9 %), в сельской местности — 114,5 млн (67,1 %)[1]. По численности населения Советский Союз был самой крупной страной Европы.

Особенностью демографической структуры Советского Союза в конце 1930-х гг. являлось преобладание женщин. На их долю приходилось 52 % населения. Тенденция к нарастанию доли женщин, определявшаяся повышенной смертностью мужчин, проявилась еще в годы Первой мировой войны, усилилась в период революции и Гражданской войны и закрепилась окончательно в ходе демографической катастрофы 1932–1933 гг. Преобладание женщин, безусловно, негативно отражалось на комплектовании армии и кадров для тяжелой индустрии.

Вместе с тем, как положительный момент, отметим, что вследствие высокой рождаемости в структуре людских ресурсов СССР преобладала молодежь. Удельный вес людей до 29 лет составлял в населении страны 63 %, тогда как прослойка лиц 60 лет и старше не превышала 6,6 %[2].

Примерно аналогичные структурные параметры были характерны и для населения Западной Сибири. По данным переписи 1939 г. здесь проживало 8927,3 млн чел., в том числе в городах — 2582,1 млн (28,9 %), в сельской местности — 6345,2 млн чел. (71,1 %)[3]. Удельный вес женщин в населении региона составлял 53 %, мужчин — 47 %[4].

В Западной Сибири, как и в целом по стране, в возрастной структуре населения высокой была прослойка молодежи, людей в рабочем возрасте от 30 до 60 лет. Так, в Алтайском крае на долю лиц старше 60 лет приходилось всего 6,4 % населения, в Новосибирской области — 6,3, несколько выше в Омской — 6,9 %[5]. В военных условиях преобладание молодежи в населении западносибирского региона во многом способствовало не только комплектованию Вооруженных Сил, но и формированию рабочих кадров для промышленности.

Перепись населения 1939 г., которая в военные годы была положена в основу определения мобилизационных возможностей страны, дала, к сожалению, неточную картину состояния людских ресурсов СССР, а ее материалы по некоторым параметрам были

фальсифицированы в сторону преувеличения данных[6]. Только в период войны стало понятно, что искажая в угоду идеологическим фетишам демографическую статистику, советские руководители обманывали сами себя. Но в целом материалы переписи, вводя необходимые поправки, можно было вполне использовать и в военные годы она служила важным ориентиром для определения мобилизационных возможностей Советского Союза. С этой же целью опубликованными материалами переписи населения СССР 1939 г. успешно пользовалась немецкая разведка[7].

Тем не менее неточность переписи создавала некоторые затруднения. Они усугублялись еще и тем, что к лету 1941 г. ее материалы несколько устарели. Вследствие вхождения в состав Советского Союза в 1939 —1940 гг. новых территорий (Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия, Буковина, страны Прибалтики, часть Финляндии) определить точно численность населения страны к 1941 г. не удалось. Этому в немалой степени способствовали и погрешности советского статистического учета, недостатки в фиксации числа родившихся и умерших. Значительными погрешностями характеризовалась регистрация мигрантов. Прибывшие и убывшие фиксировались через паспортные столы милиции при оформлении прописки и выписки, но только в городах. Перемещения людских масс в пределах сельской местности не учитывались. Но и в городах учет мигрантов был далек от совершенства. Несмотря на все усилия статистиков, он осуществлялся с большими погрешностями.

Численность населения в межпереписные периоды определялась на основе естественного и механического прироста. Поскольку его размеры можно было определить более или менее ориентировочно, данные о численности населения за весь период между переписями 1939 и 1959 гг. носят оценочный характер. По расчетам статистиков тех лет численность населения СССР на 1 января 1941 г. (с учетом присоединенных территорий, количество и структуру населения которых можно было определить только приблизительно) составляла 198,6 млн чел.[8] Иногда в литературе называется цифра более 200 млн чел.[9] На самом деле, как показали современные исследования, численность населения СССР на начало 1941 г. колебалась в пределах от 195,4 до 196,7 млн чел.[10] Следовательно, людские ресурсы СССР перед войной были завышены примерно на 2–3 млн чел. Соответственно преувеличивались оценки мобилизационного, трудового и демографического потенциала страны.

Население Западной Сибири на 1 января 1941 г. на основе данных местных статистических управлений оценивалось советскими статистиками приблизительно в 9266,6 млн чел. Из них в городах проживало 30 %, соответственно в сельской местности — 70 %[11]. В данном случае численность и удельный вес городского населения были явно занижены, так как в городах значительное количество людей проживало без прописки и не учитывалось.

Неточность данных о людских ресурсах СССР усугублялась недоработками и ошибками, которые допускали работники Наркомата обороны, ответственные за определение мобилизационных возможностей Советского Союза. При отставке от должности наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова (в декабре 1940 г., после неудачно проведенной Зимней войны с Финляндией) и передаче дел новому наркому обороны С. К. Тимошеноко выяснилось, что учет личного состава Красной армии и военнообязанных запаса находится, как сказано в акте приемки "в исключительно запущенном состоянии"[12]. Наркомат обороны не имел даже точных данных о фактической численности Красной армии, а переучет военнообязанных запаса не проводился с 1927 г.[13] В 1940 г. пришлось спешно проводить его.

В сущности, Великая Отечественная война началась при отсутствии сколько-нибудь точных данных о наличии в СССР людских ресурсов. Были известны только приблизительные цифры, вынуждавшие руководство принимать подчас грубые интуитивные решения на глазок. О каком-либо точном планировании использования людских ресурсов не могло идти и речи. Скорее всего правительство СССР исходило из тезиса о "неисчерпаемости" людских резервов страны, что лежало в основе многих ошибочных выводов и в конце концов вело к огромным боевым потерям.

Важнейшим элементом использования людских ресурсов в случае войны является призыв мужской части населения в возрасте от 18 лет и старше в армию. С этой целью Генеральным штабом РККА составлялись так называемые мобилизационные планы, работа над которыми представляла очень сложное дело, требующее уточненных данных о численности и составе населения по полу и возрасту. Особенно важны сведения о количестве мужчин призывных и допризывных возрастов, а также данные об их уровне образования, занятиях и профессиях. В предвоенные годы эта задача так и не была решена до конца. Только в период с мая по июнь 1941 г. мобилизаци-

онные планы перерабатывались четыре раза, но работа оставалась далекой от завершения.

Согласно одному из вариантов мобилизационного плана, разработанного в Генеральном штабе РККА в начале 1941 г. (МП-41), Красная армия после мобилизации и перехода на организацию и штаты военного времени должна насчитывать 8682,8 млн красноармейцев и командиров. Кроме того, в армии предполагалось использовать 187,9 тыс. чел. по вольному найму, а военизированные формирования гражданских наркоматов должны были составить 242,1 тыс. чел. (среди них самыми крупными были войска Наркомата путей сообщения —111 тыс. чел., Наркомздрава СССР — 82,8 тыс., Наркомата связи СССР — 21,1 тыс. чел.)[14]. Таким образом, МП-41 предусматривал мобилизацию 8925 млн чел.[15] В это число, однако, не включались внутренние и пограничные войска НКВД, которые комплектовались по особым планам.

Помимо этого, на покрытие возможных боевых безвозвратных и санитарных потерь первого года войны дополнительно требовалось призвать в армию 3805 тыс. рядовых и младшего комсостава, а также 468 тыс. командиров (комсостав, техсостав, политсостав, юрсостав, медсостав и т.д.)[16]. Как показали дальнейшие события, предположительные потери РККА в течение первого года войны Генеральным штабом были определены неверно.

Исходя из плановых наметок о численности людских резервов, которые потребуются для ведения боевых действий, потенциальные призывники были разверстаны по всем военным округам Советского Союза. В Сибирском военном округе, который охватывал Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую и Омскую области в административных границах 1941 г., предполагалось мобилизовать всего 224 тыс. чел.[17] Основная мобилизационная нагрузка согласно МП-41, таким образом, приходилась на приграничные военные округа: Киевский (1388 тыс. призывников), Западный (1099 тыс. призывников), Дальневосточный (800,5 тыс. призывников) и Ленинградский (714 тыс. призывников)[18].

Ход войны и та катастрофа, которая обрушилась на Красную армию в страшное лето 1941 г., полностью опрокинули все предвоенные расчеты. Потери оказались несоизмеримо выше предполагавшихся. По данным Министерства обороны Российской Федерации боевые безвозвратные потери Красной армии убитыми, умершими, пропавшими без вести, попавшими в плен, расстрелянными по при-

говорам военных трибуналов, умершими от болезней и т.д. (включая потери внутренних и пограничных войск) во второй половине 1941 г. составили 3137,7 тыс. чел., санитарные потери — 1136,1 тыс. чел.[19] К этому необходимо добавить 500 тыс. призывников, еще не зачисленных в штаты воинских частей, погибших и пропавших без вести по пути на фронт[20]. В 1942 г. потери Красной армии составили соответственно 3528,2 и 4111,1 тыс. чел.[21]

Скорее всего, данные о потерях Красной армии в 1941–1942 гг. авторами сборника "Гриф секретности снят" значительно занижены. Расчеты проведены ими на основании донесений фронтов, флотов, армий, военных округов и отчетов Центрального военно-медицинского управления. Между тем, учет боевых потерь в РККА, особенно в первые месяцы войны, был полностью дезорганизован. Донесения о потерях в Генеральный штаб из большинства фронтовых соединений не поступали. Многие документы во время окружения армий были преднамеренно уничтожены или утеряны. Генерал Д.Г. Павлов, командующий Западным фронтом, 7 июля 1941 г. на допросе показал: "До дня ареста сведений о потерях как людей, так и материальной части у меня не было"[22]. Потери советских войск в первые месяцы войны, как пишут сами авторы сборника "Гриф секретности снят", а также в тех случаях, когда донесения о них не поступали, определены расчетным путем[23]. Уверенности в точности расчетов у нас нет.

Примечательно признание Е.А. Щаденко, заместителя наркома обороны, в 1941–1943 гг. — начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Наркомата обороны "Учет личного состава, в особенности учет потерь в действующей армии, ведется совершенно неудовлетворительно"[24]. Как подчеркивалось в приказе Е.А. Щаденко № 0270 от 12 апреля 1942 г.: "На персональном учете состоит в настоящее время не более 1/3 действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины"[25]. По сути дела учет военнопленных как таковых вообще отсутствовал, а командиры просто боялись докладывать начальству о таком "позорном" явлении, как пленение красноармейца или командира. Достаточно сказать, что за всю Великую Отечественную войну всеми командирами было доложено о 36,2 тыс. пленных, тогда как на самом деле в плену оказались несколько миллионов советских военнослужащих[26].

Поэтому немецкие данные о численности советских военнопленных представляются более надежными. Тезис об огромном недоучете потерь в Красной армии, объясняет, почему командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков сообщал, что во 2-й ударной армии погибло 6 тысяч чел., а 8 тысяч пропали без вести[27], тогда как современные исследования показали, что в этой армии за период с 7 января по 30 апреля 1942 г. потери составили 80,6 тыс. чел., в том числе безвозвратные — 27,6 тыс. В ходе боев по выводу 2-й ударной из окружения между 13 мая — 10 июля 1942 г. было загублено еще 47 тыс. бойцов, в том числе безвозвратные потери составили почти 39 тыс. чел.[28] Представленные в книге "Гриф секретности снят" материалы не учитывают потери ополченцев, партизан, подпольщиков, гибель работников железнодорожного и водного транспорта. Между тем эти потери были весьма значительными. Достаточно сказать, что 32-я армия, в октябре 1941 г. оказавшаяся почти в полном составе в страшном Вяземском котле, целиком состояла из ополченцев.

Таким образом, реальные людские потери СССР в 1941–1942 гг. значительно превышали цифры, которые сегодня официально признаются Генеральным штабом. Одних только советских военнопленных, согласно немецким источникам к декабрю 1941 г. насчитывалось 3,4 млн чел., а к середине июля 1942 г. — 4,7 млн чел.[29] Между тем именно военнопленные в 1941 г. являли собой основной источник потерь Красной армии.

Согласно данным, приведенным в справке "О численности Красной Армии, пополнении и потерях за период с начала войны по 1 марта 1943 г", составленной в мае 1942 г. организационно-учетным отделом Оперативного управления Генерального штаба Красной армии советские потери (убитыми, раненными, пропавшими без вести, попавшими в плен, заболевшими и т.д.) к 1 августа 1941 г. составили 667 тыс. чел. С 1 августа по 1 декабря 1941 г. было потеряно еще 3377 тыс. чел. К 1 марта общие потери РККА превысили 8 млн чел.[30] И это при том, что данные орг.-учетного отдела явно занижены. Во всяком случае его начальник полковник Ефремов вынужден был указать в справке, что "данные оргштатного управления по потерям за октябрь и ноябрь месяц (1941 г. —авт.) совершенно не соответствуют действительности"[31]. Между прочим именно в октябре 1941 г. под Вязьмой и Брянском в трех котлах оказались сразу семь советских армий: 19, 20, 24, 32 (народноополченческая), 50, 3 и 13-я. Таким образом, потери сразу семи советских армий оказались вне сферы учета. По данным

немецкого главного командования в этих котлах было пленено 663 тыс. красноармейцев и командиров[32]. Немецкие данные подтверждаются расчетами военного историка С.Н. Михалева, согласно которым убыль личного состава указанных армий в двух Брянских и Вяземском котлах в октябре 1941 г. составила 789 тыс. чел.[33] Разница в 126 тыс. чел. между немецкими и советскими данными объясняется тем, что некоторой части советских солдат удалось избежать пленения, уйти в партизаны или пристроиться в примаки к крестьянам. Некоторые из попавших в окружение советских бойцов позднее вышли к своим или были призваны в армию вторично, после освобождения захваченных врагом территорий.

Неожиданно высокие боевые потери Красной армии заставили советское руководство кардинально изменить все мобилизационные планы. Тыловые регионы СССР должны были выделить для армии не 8–9 млн военнообязанных, а значительно больше. От Сибирского военного округа требовалось уже не 224 тыс. призывников, а по меньшей мере миллион. Мобилизация была развернута сразу же после начала войны — 22 июня 1941 г. вышел в свет Указ Президиума Верховного Совета СССР "О мобилизации военнообязанных", который предусматривал призыв 14 возрастов с 1905 по 1918 г. рождения[34]. К 1 июля 1941 г. было мобилизовано 5,3 млн чел.[35] В августе 1941 г. для того, чтобы восполнить огромные боевые потери и укомплектовать вновь формируемые соединения и части, была проведена еще одна крупная мобилизация военнообязанных, родившихся в 1890–1904 гг. и призывников 1923 г. рождения[36]. В итоге за шесть месяцев войны до 1 января 1942 г. в Вооруженные Силы было направлено 11,8 млн чел.[37] За период с 1 января по 1 марта 1942 г. было призвано дополнительно еще 700 тыс. чел.[38] В итоге с начала Великой Отечественной войны до 1 сентября 1942 г., по расчетам Е.А. Щаденко "было изъято из страны" свыше 18 млн чел.[39]Всего же за 4 года войны в СССР было мобилизовано 29574,9 тыс. чел., а с учетом кадрового состава РККА (тех, кто служил в армии по состоянию на 22 июня 1941 г.) и формирований других ведомств — 34476,7 тыс. чел.[40] Естественно, что призывались главным образом мужчины. По данным все того же сборника "Гриф секретности..." в годы войны в армию и на флот было призвано немногим более 490 тыс. женщин[41].

Имеются и альтернативные официально признанным данные о количестве мобилизованных. По подсчетам Б. В. Соколова чистый

призыв (за вычетом направленных в народное хозяйство) за все годы войны составил почти 43 млн чел., или 29,5 % довоенной численности населения СССР[42].

В Сибирь мобилизационные телеграммы поступили вечером 22 июня. На следующий день на призывные участки прибыли сотни тысяч мужчин. В целом по Западной Сибири к концу 1941 г. в Вооруженные Силы было мобилизовано свыше 1 млн чел., в том числе в Омской области — 280 тыс., в Новосибирской — 477 тыс., в Алтайском крае — 300 тыс.[43] Таким образом в Омской области из общей совокупности мужчин рабочего возраста 16–59 лет в армию ушло в городах — 39 %, в сельской местности — свыше 50 %, в Новосибирской области соответственно 38 и 52 %, в Алтайском крае — 38 и 51 %[44].

На этом мобилизация не прекратилась. Война как ненасытный Молох пожирала людей. По мере вступления в призывной возраст мобилизовались юноши 1924, 1925, 1926 и даже (в конце войны) 1927 г. рождения. Так, в Алтайском крае к 12 октября 1942 г. было мобилизовано (включая призыв в рабочие колонны) 398,5 тыс. чел.[45], а в первом полугодии 1944 г. в армию ушло дополнительно почти 21 тыс. чел.[46] Всего на территории, подведомственной Сибирскому Военному округу, за четыре года войны было призвано 2621,3 тыс. чел.[47] В Сибири с июня 1941 г. по май 1945 г. было сформировано и отправлено на фронт 70 дивизий (без отдельных полков и батальонов, а также Дальневосточного фронта)[48].

Сталин без колебаний гнал и гнал на запад миллионы необученных и плохо вооруженных бойцов, которые своими телами закрывали огромные бреши в линии фронта. Сотни тысяч из них были убиты и искалечены, оказались в окружении и в плену. Но место убитых, раненых, пленных занимали все новые и новые пополнения, огромным потоком идущие из тыловых районов. В 1941 г. было разгромлено и уничтожено 186 советских расчетных дивизий (под расчетной дивизией подразумевается суммарное количество дивизий и бригад, при этом две бригады условно приравниваются к одной дивизии), но в глубоком советском тылу было сформировано дополнительно 526 расчетных дивизий. В 1942 г. было разгромлено и уничтожено 129,5 расчетных дивизий, а сформировано вновь 270[49].

На 12-й день войны начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер, пребывая в состоянии победной эйфории, записал в своем дневнике: "...задача разгрома главных сил русской сухопутной армии... выполнена... Не будет

преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней”[50]. На 32-й день войны у генерала появляются нотки тревоги: “У противника все еще имеются свежие соединения... Людские ресурсы у русских всегда в избытке”[51]. На 34-й день войны эти смутные подозрения оформились в сознании Ф. Гальдера более четко: “Задача осталась прежней: разгромить живую силу противника... Неиссякаемые людские резервы”[52]. И только на 51 день войны, 11 августа до генерала доходит окончательно: “Колосс-Россия... был нами недооценен... К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину”[53].

Однако Ф. Гальдер и не подозревал, какое перенапряжение испытывает демографическая сфера советского тыла. Людские резервы страны были исчерпаны до донышка. Уже в июле 1942 г. постановлением ГКО “Об укомплектовании действующей армии” пришлось разбронировать часть рабочих и служащих промышленности (в том числе оборонной), направлять на фронт бойцов рабочих колонн, трудпоселенцев и заключенных, осужденных за бытовые и имущественные преступления, сокращать численность тыловых войск НКВД, ПВО и ВВС[54].

В итоге столь крупных мобилизаций количественные и структурные параметры людских ресурсов Западной Сибири претерпели кардинальные изменения. В первую очередь это отразилось на численности населения региона.

За годы войны с 1 января 1941 г. (на 22 июня 1941 г. данных о численности населения региона нет, но это не меняет картину принципиально) по 1 мая 1945 г. численность населения Западной Сибири сократилась на 7,8 %, что в абсолютном выражении составило 724,7 тыс. чел. Причем в 1941–1942 гг. мобилизация мужского контингента в армию численно компенсировалась за счет притока эвакуированных и спецпереселенцев, а также вследствие демографической инерции, благодаря которой естественный прирост сохранял положительные величины вплоть до весны 1942 г. Однако после 1942 г., как эвакуация прекратилась, произошло резкое сокращение численности населения.

Таблица 1

Динамика численности населения Западной Сибири в 1941 —1945 гг.*

Дата	Тыс. человек	% к предыдущему году
01.01.1941 г.	9266,6	—
01.01.1942 г.	9921,6	107,1
01.01.1942 г.	9632,5	97,0
01. 01.1944 г.	9069,3	94,1
01.05.1945 г.	8541,9	94,2
1945 г. в % к 1941 г.	92,2	—

*Составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л.53–54. Д. 403. Л. 40 об. Д. 405. Л. 3. Д. 479. Л. 3. Д.564. Л.3 об. Без армии, госпиталей и спецконтингента.

Важно также отметить, что количественная компенсация не означает компенсации качественной. В армию уходили юноши и мужчины молодых возрастов, а в массе эвакуированных преобладали женщины и дети. В данном аспекте важное значение имеют структурные характеристики, отражающие негативные сдвиги в составе людских ресурсов Западной Сибири. Это выразилось, прежде всего, в резком нарушении половозрастного баланса. Резерв мужчин, накопленный в населении до начала боевых действий к 1943 г. был практически исчерпан. Для сельского населения историки сегодня располагают таким достаточно точным и информативным источником, как сельсоветский учет возрастного и полового состава сельского населения. Единовременные отчеты сельсоветов о численности и составе населения обрабатывались статистиками для получения данных о потенциальной рабочей силе и мобилизационных возможностях регионов.

Самые резкие диспропорции полов были характерны для возрастного диапазона от 18 до 49 лет. Здесь удельный вес женщин колебался в пределах 80 %. В возрастной группе от 18 до 24 лет доля мужчин не превышала 19 %. Дисбаланс в соотношении мужчин и женщин как следствие огромных мобилизаций и массовой гибели мужчин в боях был характерен для всех регионов страны. В том же 1943 г. в целом по СССР доля женщин в возрастной группе 18–24 года составляла 78 %, 25–49 лет — 77 %[55]. Согласно отчетам

Таблица 2

Половозрастной состав сельского населения Западной Сибири в возрасте 14–54 года*

Возраст (лет)	Тысяч человек			Доля в %		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
14–15	195,8	214,7	410,5	47,7	52,3	100,0
16–17	136,6	171,4	308,0	44,4	55,6	100,0
18–24	77,0	330,6	407,6	18,9	81,1	100,0
25–49	227,0	885,9	1112,9	20,4	79,6	100,0
50–54	89,5	164,3	253,8	35,3	64,7	100,0
Всего...	725,9	1766,9	2492,8	29,1	70,9	100,0

*Составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 51. В административных границах 1943 г.

сельсоветов в Новосибирской области в 1943 г. на каждые 100 женщин приходилось всего 35 мужчин, в Омской — 31, в Алтайском крае — 27. Для сравнения укажем, что в Свердловской области на 100 женщин приходилось 36 мужчин, в Московской — 37, в Ульяновской и Ивановской — 30, в Рязанской — 26, в Ярославской области — 25 мужчин, тогда как в Таджикской ССР — 89, в Туркмении и Узбекистане — 73, в Азербайджане — 66, в Грузии — 58, в Киргизии — 56, в Армении — 49, в Казахстане — 40 мужчин[56]. Эти данные свидетельствуют о вкладе различных регионов СССР в формирование Вооруженных Сил. Основная мобилизационная нагрузка до 1943 г. всей своей тяжестью легла на Россию, Казахстан и Армению, хотя в формировании Красной Армии принимали участие практически все республики Советского Союза.

После 1943 г. ситуация обострилась еще в большей степени. В связи с продолжающимися призывами в армию доля мужчин в населении тыловых регионов продолжала снижаться. В январе 1945 г. в сельской местности Западной Сибири в возрастном диапазоне 18–24 года удельный вес мужчин сократился до 21 %, 25–49 лет — до 19 %, 50–54 года — до 32 %[57]. В целом по РСФСР в начале 1945 г. прослойка мужчин в возрастной группе 18–24 года составляла 20 %, 25–49 лет — 19,5 %, 50–54 года — 31 %[58].

Поскольку мобилизационный ресурс Сибири, Урала, центральных регионов РСФСР был почти полностью исчерпан уже к 1943 г., в армию в 1944–1945 гг. усилился приток мужчин с освобожденных территорий Украины и Белоруссии, из республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья.

Дисбаланс в соотношении мужчин и женщин затронул и города. Здесь ситуация также была предельно напряженной, но все же несколько лучше, чем в сельской местности. В городах мобилизация в меньшей степени коснулась специалистов, занятых на предприятиях оборонной промышленности, на транспорте, в металлургической, угольной и некоторых других отраслях и имевших так называемую "бронь". Чтобы уяснить ситуацию в городах, обратимся к такому источнику, как списки избирателей, составлявшиеся в ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР (февраль 1946 г.) и Верховный Совет РСФСР (февраль 1947 г.). В эти списки включались все граждане страны в возрасте 18 лет и старше, за исключением заключенных, ссыльных и высланных. СНК СССР разрешил статистикам использовать эти списки для определения половозрастного состава населения (за исключением списков избирателей по воинским частям).

В городах Западной Сибири уже после окончания войны, когда была развернута демобилизация, удельный вес мужчин не превышал

Таблица 3

Итоги статистической разработки списков избирателей по выборам в Верховный Совет СССР по городским поселениям Западной Сибири (10 февраля 1946 г.)*

Регион	Человек			Доля в %	
	Мужчин	Женщин	Оба пола	Мужчин	Женщин
Алтайский край	98 154	194 411	292 565	33,5	66,5
Кемеровская обл.	296 473	378 664	675 137	43,9	56,1
Новосибирская обл. (без г. Новосибирска)	42 533	77 542	120 075	35,4	64,6
г. Новосибирск	126 603	209 959	336 562	37,6	62,4
Омская обл.	91 985	155 869	247 854	37,1	62,9
Томская обл.	40 847	78 854	119 701	34,1	65,9
Тюменская обл.	35 668	73 023	108 691	32,8	67,2
Всего Западная Сибирь	732 263	1 168 322	1 900 585	38,5	61,5

*Составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2224. Л. 21, 41, 57, 58, 59, 74.

39 %. Собственно в годы войны ситуация выглядела еще хуже. Сибирские города являли собой "города женщин". Особенно глубоко был нарушен баланс полов в регионах с преобладанием аграрного сектора экономики, таких как Тюменская область и Алтайский край. В областях, где преобладала крупная промышленность, в особенности металлургия, угледобыча, машиностроение, положение было несколько лучше. Отметим также особенно глубокий дисбаланс полов в небольших городах и поселках городского типа, где, как и в деревне, отсутствовала система "брони".

Перекосы половой структуры населения оказались пролонгированным явлением демографической истории Западной Сибири. Отчетливые следы этих перекосов заметны в материалах всех последующих переписей населения СССР. Их негативные последствия отразились на динамике брачности и рождаемости, на использовании рабочей силы (вынужденное массовое вовлечение женщин в производство). Сформировавшиеся в военный период демографические волны еще долгое время оказывали отрицательное воздействие на развитие демографической сферы СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]**Всесоюзная** перепись 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 20.
[2]Там же. С. 28.
[3]Там же. С. 23, 24.
[4]Там же.
[5]Там же. С. 29, 31.
[6]**Жиромская В.Б.** Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
[7]**Гелен Р**. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 2003.
[8]**РГАЭ.** Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53–54.
[9]**Кожурин В.С.** О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны. // Военно исторический журнал. 1991. № 2. С. 23–26.
[10]**Население** Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 118; **Гельфанд В.С**. Население СССР за 50 лет (1941–1990). Стат. справочник. Пермь, 1992. С. 39.
[11]**РГАЭ**. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53–54.
[12]**1941 год**: В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 624.
[13]Там же.
[14]**1941 год**: В 2-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 639.
[15]Там же. С. 650.
[16]Там же. Кн. 2. С. 616.
[17]Там же. Кн. 1. С. 639.
[18]Там же.
[19]**Гриф** секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 143.

[20]**Известия**. 1998. 25 июня.
[21]**Гриф** секретности... С. 143.
[22]**1941 год**. Кн. 2. С. 467.
[23]**Гриф** секретности... С. 128.
[24]**Военно-исторический** журнал. 1998. № 1. С. 72.
[25]Там же.
[26]**Кривошеев Г.Ф**. Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны. Спб., 1995. С. 78.
[27]**Мерецков К. А**. На службе народу. М., 1988. С. 287.
[28]**Гуркин В. В., Круглов А. И**. Жупел Мясного бора. // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С.24–25.
[29]**Штрайт К**. Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах. М., 1978. С. 99.
[30]**Михалев С.Н**. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. исследование. Красноярск, 2000. С. 98–99.
[31]Там же. С. 98.
[32]**Типпельскирх К**. История Второй мировой войны 1939–1945. М., 2003. С. 273.
[33]**Михалев С.Н.** Людские потери... С. 16.
[34]**Горьков Ю.А**. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры и документы. М., 2002. С.492–493.
[35]**Великая** Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 452.
[36]Там же. С. 452.
[37]**Михалев С.Н**. Людские потери... С. 99.
[38]Там же. С. 99.
[39]Там же. С. 106.
[40]**Гриф** секретности... С. 139.
[41]Там же. С. 329.
[42]**Соколов Б. В.** Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг. // Тайны Второй мировой. М., 2000. С. 235.
[43]**РГАЭ**. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 53.
[44]Там же.
[45]**ЦХАФАК.** Ф. 1. Оп. 18. Д. 152. Л. 76.
[46]Там же. Д. 614. Л. 1.
[47]**Население** России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. М., 2001. С.33.
[48]**Корниенко Б. В.** Людские ресурсы Сибири в годы войны // Сибиряки фронту. (Материалы научной конференции, посвященной 25-летию победы Советского Союза над фашистской Германией и империалистической Японией.) Новосибирск, 1971. С. 310
[49]**Военно-исторический** журнал. 1995. № 3. С. 56.
[50]**Гальдер Ф**. Военный дневник, 1941–1942. М., 2003. С. 77.
[51]Там же. С. 193, 197.
[52]Там же. С. 213, 214.
[53]Там же. С. 306.
[54]**Горьков Ю.А**. Государственный Комитет Обороны постановляет... С. 514–516.
[55]**РГАЭ. Ф**. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 18.
[56]Там же. Л. 20.
[57]**ГАРФ.** Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 24, 39, 40, 57, 59.
[58]Там же. Л. 1.

С.С. Букин

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ СФЕРА НОВОСИБИРСКА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946–1960 гг.)*

Победоносный май 1945 г. стал одним из самых радостных месяцев в истории Новосибирска. Сбылось то, что казалось далекой мечтой в военное лихолетье. Закончилась тяжелейшая и кровопролитная война. Облегчение жизни почувствовали практически все горожане. На заводах и в учреждениях вводились восьмичасовой рабочий день, выходные и отпуска, отменялись жестокие законы военного времени, запрещавшие увольнение по собственному желанию, грозившие суровой карой за опоздание и другие, даже малейшие нарушения трудовой дисциплины.

Очень волнующим событием стало возвращение фронтовиков. 23 июня 1945 г. Верховный Совет СССР принял Указ "О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии", который предусматривал увольнение тринадцати старших возрастных групп в течение второй половины 1945 г. В сентябре действие этого законодательного акта было распространено на воинские подразделения, участвовавшие в разгроме вооруженных сил Японии. А 25 сентября вышел новый Указ "О демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии", в соответствии с которым увольнению подлежали десять последующих возрастов. Кроме того, демобилизовывались специалисты народного хозяйства с высшим и средним специальным образованием, студенты вторых и старших курсов, учителя и преподаватели учебных заведений различного типа, военнослужащие, получившие по три и более ранений или отслужившие свыше семи лет, женщины рядового и сержантского состава.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и администрации Новосибирской области, проект 04-01-65013 а/Т.

женские туфли, детские одежда и обувь, клеенка, мебель, радиоприемники и т.д. Тем не менее в 1950-е гг. в связи с развитием госторговли покупки товаров на вещевых рынках уменьшились. Например, по данным бюджетных обследований рабочие Новосибирска в 1952 г. приобретали у частных лиц 19 % всей обуви, а в 1960 г. — 7 %.

Исключительно сложной социальной задачей являлось смягчение жилищной проблемы. В первое послевоенное десятилетие существенного повышения уровня обеспеченности новосибирцев жилплощадью не произошло. Это объяснялось не только быстрым ростом населения и недостаточными темпами жилищного строительства, но и изменениями в составе жилого фонда.

Наличие в городе большого числа временных строений, введенных в строй в годы первых пятилеток и в период войны, приводило к тому, что значительная часть из них ежегодно приходила в негодность, выбывала из эксплуатации или требовала капитального ремонта. Временный жилой фонд отчетливо проявил свою неэкономичность. Сокращение времени, финансовых и материальных средств, достигавшееся при строительстве жилья барачного типа, обернулось огромными затратами на его содержание. Расходы на эти цели в расчете на 1 м^2 жилплощади в бараках были в 4 раза выше, чем в капитальных домах. После капитального ремонта с учетом первоначальных затрат стоимость 1 м^2 жилья барачного типа почти достигала стоимости 1 м^2 благоустроенного жилого фонда[20]. Ежегодно большое число временных построек приходилось сносить. Проживавшие в них семьи переселялись в благоустроенные дома. Поэтому общий прирост жилого фонда был гораздо меньше по сравнению с масштабами нового жилищного строительства.

Государственные задания по вводу жилья в эксплуатацию не выполнялись. В течение пятой пятилетки новосибирцы недополучили 231 тыс. м^2 жилплощади. Пленум Новосибирского обкома партии, состоявшийся в январе 1952 г., главными причинами неудовлетворительной деятельности строительных организаций назвал беззаботное отношение к созданию постоянных квалифицированных кадров, резкое отставание собственной производственной базы от возрастающих объемов строительно-монтажных работ, низкий технический уровень руководства строительным процессом, слабый контроль за его качеством.

Строительство велось, как правило, одновременно на многочисленных объектах. Это не только “распыляло” материальные средства,

но и давало возможность руководителям строительных управлений стремиться к производству в первую очередь наиболее выгодных для выполнения плана капиталоемких и высокооплачиваемых работ. Напротив, трудовые операции, определяющие ввод объектов в эксплуатацию, но не являющиеся выгодными (например, отделочные работы), отодвигались на задний план.

Новосибирский трест № 30 в 1956 г. вел строительство в пяти районах города, в которых насчитывалось 25 отдельных строительных площадок. На некоторых из них трудилось лишь несколько рабочих.

Низким было качество жилищного строительства. В Новосибирске в 1955 г. государственная комиссия не приняла 27 % предъявленных к сдаче жилых зданий из-за наличия крупных недоделок. Это приводило к удлинению сроков и сокращению объемов строительных работ.

Слабо внедрялось типовое проектирование. С 1950г. по 1954 г. в Новосибирске строилось 222 жилых дома, из них 213 по индивидуальным проектам и только 9 — по типовым. Чрезмерно велика и разнородна была номенклатура строительных деталей. В новосибирском строительном тресте № 7 изготавливалось 40 типов оконных переплетов и 36 — дверных полотен. Трест № 30 применял более 1000 типов различных деревянных конструкций и 225 видов железобетонных изделий. Все это не давало возможность организовать поточное производство строительных деталей[21].

Большое социальное значение имело принятое в июле 1957 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О развитии жилищного строительства в СССР”, которое практически положило начало комплексному решению жилищной проблемы[22]. Предусматривалось значительно увеличить объем жилищного строительства, повысить капитальные вложения на эти цели. Расширялись местные источники финансирования. Намечались конкретные меры по увеличению производства строительных материалов, внедрению прогрессивных методов строительных работ.

Произошли изменения в организации строительства. Во второй половине 1950-х гг. в Новосибирске было создано единое территориальное строительное управление. При горисполкоме образован отдел капитального строительства. Эта перестройка принесла положительные результаты.

Во-первых, было положено начало уменьшению распыленности и более полному использованию капитальных вложений на жилищное строительство. Так, ОКС Новосибирского горисполкома в 1957 г. принял от различных ведомств 60 объектов, многие из которых строились более пяти лет и не были готовы для ввода в эксплуатацию. Объединение средств позволило уже в 1957 г. закончить строительство большинства этих зданий и приступить к возведению крупных жилых массивов на свободных площадях Кировского и Дзержинского районов.

Во-вторых, централизация проектирования жилищного строительства дала возможность избавиться от излишнего многообразия и разнотипности проектов зданий. Если раньше в Новосибирске четырех- пятиэтажные дома возводились по 75 проектам, предусматривавшим огромное количество различных типов и размеров строительных деталей (только общее количество видов железобетонных изделий достигало 1 тыс.), то теперь стали закладываться дома двух типов: малометражные по 40 и 80 квартир и крупнопанельные на 80 квартир.

Принятые меры оказали влияние на темпы жилищного строительства. В Новосибирске за 10 месяцев 1957 г. строительное управление совнархоза сдало в эксплуатацию жилья вдвое больше, чем за соответствующий период предыдущего года. Выпуск товарной продукции трестом "Железобетон" увеличился в полтора раза. Трест "Отделстрой" выполнил в два раза больше отделочных работ, чем все специализированные организации, входившие в состав отдельных строительных трестов.

Во второй половине 1950-х гг. в соответствии с духом "хрущевской оттепели" усилился общественный контроль за качеством жилищного строительства. Стали создаваться общественные контрольные посты на строящихся жилых объектах. В Новосибирске было организовано 312 таких постов, в состав которых входили 906 чел. Там, где эти посты действовали неформально, наблюдались положительные изменения.

Но особенно важное значение для ускорения темпов решения жилищной проблемы имела индустриализация строительства, создание в городе полигона для изготовления конструкций из сборного железобетона, применение поточных методов выполнения строительных работ.

Позитивное социальное значение имела инициатива рабочих Горьковского автозавода, которые в 1956 г. предложили возводить дома за счет внутренних ресурсов предприятий. Этот метод получил название народной стройки. Одними из первых почин горьковчан поддержали трудящиеся Новосибирска. На заводах. им. В.П.Чкалова, химическом, оловозаводе и других было организовано производство стеновых блоков из местных строительных материалов, изыскивались промышленные отходы для изготовления дверей, оконных рам, перекрытия и кровли. Эта работа приносила ощутимые результаты. Только на заводе им. В.П. Чкалова в 1959 г. таким способом было построено 17 156 м^2 жилья, в новых квартирах справили новоселье 1045 семей[23].

Расширилось индивидуальное жилищное строительство. Для его поддержки выделялись крупные государственные ассигнования. Беспроцентные ссуды предоставлялись сроком на десять лет с погашением начиная с третьего года. Предприятия оказывали помощь своим индивидуальным застройщикам строительными материалами, транспортом. Создавались строительные кооперативы для совместного возведения домов. В 1958 г. в городах и рабочих поселках Новосибирской области было сдано в эксплуатацию в индивидуальном порядке в 4 раза больше жилплощади, чем в 1950 г.

И все же в то время индивидуальное строительство являлось ограниченным методом решения жилищной проблемы. Его значение состояло в том, что оно повышало уровень обеспеченности населения жильем. Вместе с тем уменьшалась плотность городской застройки и увеличивалась протяженность коммунальных коммуникаций. Многие поселки, образованные из одноэтажных разнотипных домов, оставались неблагоустроенными. В них отсутствовали дороги, тротуары, водопроводная и канализационная сеть.

В целом во второй половине 1950-х гг. возросший экономический потенциал советского общества, усиление внимания к социальной сфере позволили в 3–4 раза ускорить темпы жилищного строительства. Если в течение четвертой пятилетки (1946-1950) в Новосибирске было введено в строй 210 тыс. м^2 жилплощади, в пятой (1951-1955) — 447, то за 1956–1959 гг. — 1376 тыс. м^2. Таких темпов жилищного строительства новосибирцы еще не знали.

Именно во второй половине 1950-х гг. произошел заметный сдвиг в обеспеченности населения города жилплощадью. Если ее

размер в расчете на одного человека в 1940 г. в Новосибирске составлял 3,5 $м^2$, а в 1955 г. — 3,7, то в 1960 г. — 5,6 $м^2$.

Произошли существенные изменения в благоустройстве городского обобществленного жилого фонда. С 1950 г. по 1960 г. в его составе удельный вес жилплощади, оборудованной водопроводом, повысился в Новосибирской области с 19 до 30 %, канализацией — соответственно с 17 до 27 %, централизованным отоплением — с 18 до 31 %. Ванной или душем были оборудованы 16 % квартир, 14 % имели горячее водоснабжении[24]. Именно тогда эти коммунальные удобства стали входить в быт широких слоев горожан.

В связи с переселением трудящихся в благоустроенные дома из приспособленных под жилье помещений и подлежащих сносу временных жилищ барачного типа объем нового жилищного строительства заметно превосходил общий прирост жилого фонда. Поэтому качественное совершенствование жилищных условий осуществлялось более быстрыми темпами, чем увеличение количества жилплощади, приходящейся на одного жителя (табл. 11).

Размер жилплощади на одного человека на заводе “Тяжстанкогидропресс” с 1947 г. по 1958 г. возрос на 16,3%, а обеспеченность жилого фонда водопроводом — в 22,2 раза, центральным отоплением — в 19,7 раза. Если в начале 1947 г. дома работников этого пред-

Таблица 11

Изменение жилищных условий трудового коллектива завода “Тяжстанкогидропресс” (на 1 января)*

Показатель	1947 г.		1955 г.		1958 г.	
	тыс. $м^2$	%	тыс. $м^2$	%	тыс. $м^2$	%
Жилая площадь, оборудованная водопроводом	0,4	3,2	28,7	70,7	31,7	71,2
канализацией	—	—	24,5	60,3	28,5	63,9
центральным отоплением	0,5	4,0	32,0	78,8	35,2	78,9
электрическим освещением	12,6	100,0	40,6	100,0	44,6	100,0
Всего	12,6	100,0	40,6	100,0	44,6	100,0
Жилплощадь, приходящаяся на одного проживающего, $м^2$	4,3	4,7	5,0			

*Таблица рассчитана и составлена по данным: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1497. Л. 169; Д. 5046. Л. 20; Д. 6678. Л. 76.

приятия не имели канализации, то к 1959 г. ею было оборудовано почти две трети всего жилого фонда.

Во второй половине 1950-х гг. наметился качественно новый подход к распределению жилплощади. Новые жилые дома стали строиться по проектам, предусматривавшим предоставление одной семье отдельной квартиры. Социологические обследования, проведенные в начале 1960-х гг. на новосибирских заводах радиодеталей, газокарбидном и шоколадной фабрике, показали, что их имели 40,5 % рабочих, ИТР и служащих. В коммунальных квартирах проживали 39,9 % трудящихся, в общежитиях — 4,9, снимали часть комнаты 14,7 %. Несколько отличались жилищные условия у различных категорий промышленно-производственного персонала. На жилплощади, принадлежавшей предприятиям и местным Советам, размещались 62,7 % инженерно-технических работников, 54,9 % служащих и 42,8 % рабочих, в собственных домах — соответственно 16,0; 25,0 и 28,1 %, снимали жилье у частных лиц (в том же порядке) — 7,6; 10,1 и 16,1 %, проживали у родственников — 13,7; 10,0 и 12,0 %[25].

Предоставление семьям отдельных квартир было прогрессивным явлением. Однако следует заметить, что эти жилища были обычно невелики по размерам и недостаточно приспособлены к сибирским условиям. Подсобные площади в них сокращались до минимума. Небольшие кухни и совмещенные санузлы доставляли немало неудобств. Отсутствовали встроенные шкафы и антресоли.

Коренным образом изменились жилищные условия молодых новосибирцев, проживавших в общежитиях. Они стали размещаться в более просторных помещениях. В начале 1958 г. на Новосибирском металлургическом заводе в среднем на одного человека приходилось в государственных и частных домах 4,5 м^2 жилплощади, а в общежитиях — 4,9 м^2, на ТЭЦ-2 — соответственно 4,0 и 7,5 м^2, на заводе “Труд” — 4,2 и 4,3 м^2, на Тяжстанкогидропрессе — 5,0 и 6,5 м^2, на турбогенераторном заводе — 4,5 и 5,1, на инструментальном — 4,4 и 5,6 м^2 жилплощади[26].

Во второй половине 1950-х — начале 60-х гг. удалось в основном завершить перевод молодежных общежитий из временных неблагоустроенных помещений в новые капитальные здания. Значительно улучшилось обеспечение проживающих постельными принадлежностями и предметами домашнего обихода.

Итак, в годы послевоенных пятилеток был достигнут значительный прогресс в решении одной из самых трудных социальных задач — жилищной проблемы. Это выразилось в повышении уровня обеспеченности новосибирцев жилплощадью, возрастании благоустройства жилого фонда. Десятки тысяч семей переселились из приспособленных под жилье помещений и ветхих жилищ в капитальные здания. Постепенно коммунальные квартиры стали заменяться изолированными. Улучшение жилищных условий создавало благоприятные условия для отдыха и использования свободного времени, укрепляло семьи, вело к преобразованию всего быта горожан.

Вместе с тем многие из них по-прежнему проживали в тесноте, в неблагоустроенных обветшавших помещениях. В жилой фонд новосибирских предприятий союзного подчинения входили полторы тысячи строений барачного типа общей площадью 270 тыс. $м^2$, которые находились в аварийном состоянии. По склонам оврагов, берегам рек Ельцовки и Каменки располагались 1129 землянок и 4277 бараков, в которых проживали 21,5 тыс. чел. Они подлежали переселению, для чего требовалось не менее 130 тыс. $м^2$ жилплощади[27].

Острой проблемой жилищно-коммунального хозяйства являлось расширение водопроводной и канализационной сетей. Их строительство велось медленными темпами, ремонт производился редко. Потребление воды из водопроводов было невелико. В 1946 г. оно составляло в расчете на одного человека в Новосибирске лишь 30 л в сутки при минимальной норме 90 л.

Большие трудности испытывали жители “частного сектора”. В Южном поселке в Первомайском районе Новосибирска в 1947 г. было построено 100 домиков для паровозных машинистов. Кроме того, индивидуальные застройщики возвели еще около 500 жилых строений. Для обслуживания проживавших в них семей имелись всего две водоразборных колонки, которые нередко работали с перебоями. По соседству с Южным вырос Восточный поселок, насчитывавший 2,5 тыс. жителей. К их услугам был всего один водоразборный кран. Многие дома были отдалены от него на 2–3 км. Поэтому проживавшие в них семьи в большом количестве использовали талую или дождевую воду.

В 1950-е гг. строительство коммунальных сетей несколько ускорилось. За 1953–1958 гг. протяженность водопровода в Новосибирске увеличилась на 24,3 км. Только в течение пятой пятилетки в районах города было сдано в эксплуатацию свыше 100 водоразборных колонок.

Потребление воды населением из водопроводной сети заметно возросло. В 1955 г. оно составило в Новосибирске 40–45 л в сутки на одного человека, а в 1959 г. — 98 л. Однако положение с водоснабжением продолжало оставаться очень трудным. Бюро Новосибирского обкома КПСС, рассмотрев в июле 1959 г. вопрос "О неудовлетворительном состоянии водоснабжения в г. Новосибирске", отметило, что потребности в воде населения удовлетворяются только на 67 %. Недостаточная мощность водопровода не позволяла подключать к имевшимся сетям вновь строившиеся жилые и культурно-бытовые здания. Одна из главных причин такого положения заключалась в том, что промышленные предприятия, потребляя свыше половины всей воды из городского водопровода, систематически не обеспечивали достаточного выделения финансовых средств и материальных ресурсов на строительство объектов водоснабжения[28].

Однако ведомственные интересы часто оказывались сильнее, чем указания местных органов власти. Промышленные предприятия, выделяя (и то в недостаточном количестве) средства на строительство жилья и детских учреждений, от чего непосредственно зависело их обеспечение рабочей силой, все затраты на коммунальное хозяйство стремились переложить на городской бюджет. В конце 1950-х — начале 60-х гг. на окраине Новосибирска были построены крупные заводы, причем почти без выделения капитальных вложений на развитие социальной инфраструктуры. Их инженерные коммуникации подключались к городским сетям, что резко обострило коммунальные проблемы. Впоследствии городскому Совету пришлось затратить несколько миллионов рублей только на реконструкцию канализационного коллектора в Кировском районе[29].

Немалые трудности создавала также диспропорция в развитии водопроводной и канализационной сетей. Протяженность последней в Новосибирске за 1940–1955 гг. увеличилась всего на 12 км. Поэтому существовал большой разрыв между подачей воды водопроводом и ее приемом в канализационную сеть, что отражалось на санитарной обстановке.

Жизнь новосибирцев протекала в слабо благоустроенном городе. В этом отношении он существенно уступал городам в центральной части страны. В Новосибирске в 1948 г. замощенные улицы составляли 18,4 %, а заасфальтированные 3,5 % их общей протяженности, тогда как в Горьком, например, соответственно 42 и 39 %. Лишь незначительная часть городской территории имела зеленые

насаждения. Низкий уровень благоустройства был характерен для жилых массивов “частного сектора”. В летний период на их улицах скапливались пыль и грязь. После дождей большинство дорог становились труднопроезжими не только для автомобильного, но и гужевого транспорта. Тротуарами была оборудована лишь часть главных улиц.

В 1947 г. после длительного перерыва благоустроительные работы возобновились. За этот год удалось заасфальтировать больше половины Красного проспекта, площадь около театра оперы и балета, привокзальную площадь и тротуары по основным магистралям — Красному проспекту и улице Ленина. В дальнейшем благоустроительные работы расширились. В 1950 г. на эти цели было затрачено свыше 40 млн. руб. Осуществлены реконструкция и благоустройство главных улиц города, построено около 32 км мощенных и гудронированных дорог, заасфальтировано 234 тыс. м^2 площадей, улиц и тротуаров, сделано более 10 тыс. м металлических ограждений, высажено значительное количество многолетних деревьев.

С пользой действовали комиссии по благоустройству. В их состав входили сотрудники райисполкомов, представители общественности. Они стали организационными центрами по наведению чистоты в городе, ремонту улиц, тротуаров, озеленению. К этим работам активно привлекались трудящиеся предприятий и учреждений, студенты, школьники, которые регулярно участвовали в субботниках и воскресниках.

В 1950-е гг. благоустройство стало занимать важное место в генеральном плане развития города. Увеличились его масштабы. В Новосибирске при широком участии общественности только за 1957–1959 гг. было построено свыше 200 км дорог с твердым покрытием, около 150 км асфальтированных тротуаров, освещено 243 км улиц, высажено более 5 млн. деревьев и кустарников[30].

Благоустроительные работы с активным привлечением жителей не только улучшали условия жизни, но и способствовали воспитанию у людей заботливого, хозяйского отношения к своей улице, кварталу, городу в целом.

После окончания войны неотложной задачей являлось увеличение выработки электроэнергии и улучшение обеспечения ею жилых массивов. В Новосибирске из 627 км улиц было освещено только 277, главным образом центральные магистрали, в жилых домах часто отключался свет. Местные органы власти стремились в короткие

сроки исправить положение. В 1948 г. был произведен капитальный ремонт электросети, проложены новые кабельные линии и введены дополнительные энергетические мощности на 3190 кВт. Проделанные работы позволили снять ограничения в предоставлении электроэнергии населению.

Быстро растущий город требовал ускоренного развития транспортной сети. В первое послевоенное десятилетие ее основу составляло трамвайное сообщение. В Новосибирске протяженность трамвайных путей увеличилась с 39 км в 1949 г. до 125 км в 1961 г. Горожан обслуживали 15 трамвайных маршрутов, по которым курсировали свыше 300 вагонов.

Новым видом пассажирского транспорта стал троллейбус. В Новосибирске в создании материально-технической базы троллейбусного движения, которое открылось в ноябре 1957 г., принимали участие коллективы 72 промышленных предприятий. Только в 1957 г. методом народной стройки было построено 25 км троллейбусных линий. В 1961 г. их протяженность достигла 53 км; троллейбусный парк насчитывал 92 машины. Развитие электрифицированного транспорта — экономичного и не загрязняющего воздух, имело большое социально-экономическое значение.

Однако основной объем пассажироперевозок в 1950-е гг. стали выполнять автобусы. Их число в Новосибирске возросло с 85 в 1953 г. до 370 в 1961 г. Быстро увеличивалось также количество легковых такси. В 1961 г. новосибирцев обслуживало около 600 автомобилей, тогда как в 1950 г. – всего 27. Намного вырос пассажиропоток. В 1950 г. всеми видами транспорта в Новосибирске было перевезено 56 млн пассажиров, а уже в 1958 г. — 166 млн[31].

В то же время развитие транспортной сети не соответствовало потребностям быстро растущего города. Часто нарушался график движения, автобусы, троллейбусы и трамваи, особенно в часы пик, были перегружены. Из-за поломок и некачественного ремонта на линию выходило лишь 50–60 % имевшихся транспортных средств.

В Новосибирске, как и в других городах Сибири, не было ни одного специализированного предприятия по выпуску запасных частей для электротранспорта, которые производились на трамвайно-троллейбусных базах Ленинграда, Москвы, Горького. Трамвайные и троллейбусные парки в Новосибирске обеспечивались запасными частями в централизованном порядке лишь на 25–30 %. Остро не хватало их и для автомобильного транспорта. Ор-

ганы власти предпринимали меры по использованию местных ресурсов для решения этой проблемы.

Новосибирский горком КПСС в 1956 г. дал конкретные задания промышленным предприятиям по организации снабжения транспортного парка запасными частями, обязал их оказывать помощь в реконструкции цехов технического обслуживания. К 1958 г. городскому автотресту было передано пять гаражей совнархоза, в городе началось строительство авторемонтного завода. На нужды городского транспорта в целом только за 1958–1959 гг. было израсходовано 23 млн руб.[32]

Тем не менее транспортная проблема в Новосибирске ощущалась острее, чем в других крупных городах страны. В 1962 г. количество поездок на всех видах транспорта в среднем на одного новосибирца составляло 87 % по сравнению с этим показателем в Горьком, Куйбышеве, Воронеже. Массовые социологические обследования показали, что жителям города на поездки к месту работы и обратно приходилось затрачивать на 35–40 % больше времени, чем в центральной части страны[33].

Среди социально-бытовых проблем послевоенных лет особую остроту приобрела нехватка детских учреждений, что создавало значительные трудности в повседневной жизни новосибирцев. Детские сады и ясли часто размещались в бараках, где отсутствовали нормальные условия для содержания детей. Строительство помещений капитального типа несколько расширилось в 1950-е гг. Социальный эффект принесло размещение детских учреждений на первых этажах жилых домов. В Новосибирске в течение пятой пятилетки (1951–1955 гг.) таким образом были открыты 50 детских садов и яслей на 4233 места. Положительную роль сыграло использование хозспособа для строительства детских учреждений. Завод "Сибсельмаш" только в 1959 г. за счет собственных ресурсов построил детский сад на 125 мест и дачу в Кудряшовском бору, в которой одновременно могли отдыхать 200 детей. Всего в городе за 1957–1959 гг. были сданы в эксплуатацию 95 детских учреждений на 7240 мест, или гораздо больше, чем в предыдущие годы.

Несмотря на некоторое смягчение проблемы обеспечения населения детскими учреждениями, в 1950-е гг. устройство ребенка в садик или ясли для большинства семей оставалось трудноразрешимым вопросом. На очередь ставились преимущественно дети матерей-одиночек или из многодетных семей. Но и при такой системе

учета большинство получало отказы в просьбе о предоставлении места в детском учреждении. В Новосибирске в 1959 г. в райисполкомах и профсоюзных комитетах имелось более 14 тыс. неудовлетворенных заявлений об устройстве детей в дошкольные учреждения[34].

Немалые трудности для горожан создавал и сам принцип размещения детских учреждений, которые строились, как правило, вблизи места расположения предприятия, чей коллектив они обслуживали. Большая территория Новосибирска, нередко значительные расстояния между местом жительства и работы приводили к тому, что с каждым годом росло число родителей, которые были вынуждены затрачивать все больше времени на поездки с ребенком в садик или ясли и обратно. В условиях неудовлетворительного функционирования городского пассажирского транспорта это доставляло массу хлопот и неудобств.

В послевоенные годы в Новосибирске была слабо развита и находилась в запущенном состоянии сеть предприятий бытового обслуживания. В городе в 1946 г. работали шесть бань с пропускной способностью 1 тыс. чел. в час, что не удовлетворяло даже минимальных потребностей горожан.

В 1950-е гг. сеть бань несколько расширилась. Однако обеспеченность населения ими составляла лишь треть по сравнению с санитарными нормами. Каждый новосибирец мог побывать в них в среднем 1—2 раза в месяц. В условиях низкого благоустройства жилого фонда это создавало большие неудобства людям, сказывалось на их санитарно-гигиенической культуре.

Стирку белья и одежды практически все горожане производили дома. После окончания войны в Новосибирске имелись одна механизированная и три ручных прачечных, которые обслуживали больницы, детские и другие социально-бытовые учреждения. С сентября 1945 г. начался в небольшом количестве прием заказов от населения. Но выполнялись они в сроки от одного до двух месяцев, причем белье выдавалось неглаженным. В начале 1950-х гг. в Новосибирске действовали две прачечных, которые выполняли ограниченное число индивидуальных заказов. За 10 месяцев 1953 г. от населения было принято лишь 16 % общего количества белья. Приемные пункты размещались только в центральной части города.

После окончания войны для многих семей настоятельной необходимостью были пошив и ремонт одежды и обуви. Отсутствие или ограниченный ассортимент этих товаров в магазинах, высокие цены

вынуждали людей пользоваться вещами до полного износа, неоднократно ремонтируя их. Однако государственная служба быта не обеспечивала нужд населения. Пленум Новосибирского обкома партии, состоявшийся в феврале 1946 г., отметил, что сеть пошивочных и ремонтных мастерских в городе совершенно недостаточна, сроки исполнения заказов длительны, качество работы низкое, а цены высокие и часто устанавливаются произвольно.

Коренного изменения в 1950-е гг. в этой сфере не произошло. Немногочисленные ателье и ремонтные мастерские размещались в малоприспособленных, требующих капитального ремонта помещениях, испытывали острую нехватку сырья, оборудования и инструмента. Невысоким был уровень квалификации кадров, оставляла желать лучшего культура обслуживания. Поэтому большинство горожан обращалось к услугам частных лиц, которые обладали необходимым профессиональным мастерством и принимали заказы от населения.

Новосибирцы оказывали предпочтение "частному сектору" в связи с высокими ценами, установленными за пошив одежды в государственных и кооперативных мастерских, длительными сроками выполнения заказов. По данным бюджетных обследований в 1954 г. изготовление платья из крепдешина стоило в ателье 102 –146 руб., а у "тети Маши" — 65–90 руб., из штапельного полотна — соответственно 75–90 и 50–60 руб.; пошив демисезонного дамского пальто обходился соответственно в 217–270 и 150–200 руб. Если для изготовления платья в системе бытового обслуживания требовалось не меньше 1 месяца, то у частных лиц — 12–14 дней, верхней одежды — соответственно 2–3 месяца и 25–30 дней. В 5–6 раз быстрее производил "частный сектор" и ремонт обуви[35].

Таким образом, во второй половине 1940-х и в 50-е гг. отчетливо проявилось противоречие между слабым развитием сети государственных и кооперативных ателье, пошивочных мастерских, ремонтных пунктов, их неудовлетворительной работой, завышенными ценами и наличием у населения настоятельных потребностей в данном виде услуг. Это способствовало расширению "частного сектора", быстро и сравнительно дешево выполнявшего заказы. Его "легализация" и создание благоприятных условий для индивидуальной трудовой деятельности могли бы способствовать более полному обеспечению насущных нужд людей.

Необходимо заметить, что органы управления предпринимали определенные шаги в данном направлении. Бюро Новосибирского обкома КПСС, рассмотрев в июне 1959 г. вопрос "О мерах по улучшению бытового обслуживания населения", приняло решение организовать широкое привлечение квалифицированных рабочих и работниц, не имеющих возможности трудиться непосредственно на предприятиях, к оказанию бытовых услуг у себя на дому. Но эта идея осталась на бумаге.

Вместе с тем во второй половине 1950-х гг. зародились новые виды услуг, связанных с начавшейся реконструкцией материальных основ быта горожан. Появились мастерские по ремонту технически сложных предметов домашнего обихода: стиральных машин, пылесосов, холодильников, радиоприемников, фотоаппаратов и т.д. Большую популярность у новосибирцев в короткие сроки завоевали прокатные пункты, в которых они охотно брали во временное пользование предметы культурно-бытового назначения.

Но в целом бытовое обслуживание слабо решало одну из важнейших социальных задач — облегчение домашнего труда. В Сибири эта проблема была гораздо острее, чем в западных районах СССР. По данным за 1958 г., работающие женщины в Новосибирске тратили на домашнее хозяйство на четверть больше времени, чем в крупных городах европейской части страны.

Социологические обследования новосибирцев, проведенные в 1959г., позволили установить, что в будничный день на обеспечение материально-бытовых потребностей семьи одна взрослая женщина использовала в среднем 6 часов. На покупки затрачивался 1 ч, на приготовление пищи — 2 ч 4 мин, на уход за помещениями и мебелью — 51 мин, за одеждой и обувью — 47, на уход за собой — 37 мин, за детьми — 1 ч 11 мин и т.д. Эта "вторая смена" у работниц в Новосибирске была на 2 ч продолжительнее, чем в Москве[36].

Таким образом, в годы послевоенных пятилеток проявились противоречивые тенденции в развитии жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения Новосибирска. Если в первое послевоенное десятилетие в этой сфере существенных изменений не произошло, то для второй половины 1950-х гг. характерен ощутимый сдвиг в обеспечении жилищно-бытовых потребностей горожан. Заметный прогресс был достигнут в решении жилищной проблемы, чему способствовали индустриализация строительства, расширение индивидуальной застройки, внедрение хозяйственно-

го способа возведения домов. Впервые за многие годы увеличился средний размер жилплощади, приходящейся на одного жителя. Повысился удельный вес капитальных зданий в составе жилого фонда, возрос уровень его благоустройства.

Гораздо слабее развивались отрасли коммунально-бытового обслуживания. Эта диспропорция негативно сказывалась на становлении всей социальной инфраструктуры. Дефицитность многих услуг укрепляла диктат их производителей над потребителями, служба быта практически не оказывала влияния на сокращение домашнего труда, что свидетельствовало о ее низкой социальной эффективности. Уровень жизни новосибирцев был ниже, чем в крупных городах европейской части страны. Мощный и непрерывно растущий производственный потенциал Новосибирска в недостаточной степени использовался для решения социальных задач,

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]**Букин С.С., Хаяров Д.Г.** Фронтовики в послевоенной Сибири: проблемы жизнеустройства (1945-1950 гг.) // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сб. науч. тр. Вып. 1. Новосибирск. НГУ. 2003. С. 168, 173–176, 178.

[2] **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 355.

[3]**Беляев И.К., Баталов А.Н.** Новосибирская областная партийная организация в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) Новосибирск, 1970. С. 70.

[4]**ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 1376. Л. 172; Ф. 11. Оп. 2. Д. 1497. Л. 21.

[5]**Советская** экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1970. С. 134, 144.

[6]**ГАРФ.** Ф. 374. Оп. 2. Д. 1200. Л. 111.

[7]**ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 1142. Л. 179, 219; Советская Сибирь. 1946. 23 февр.

[8]**ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 1140. Л. 12.

[9]**Букин С.С.** Роль денежной реформы 1947 года в разрешении социально-экономического кризиса.// Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI %начала XX веков. Материалы третьей регион. науч. конф. Новосибирск. 1998. С. 136–140.

[10]**Букин С.С.** Было время — цены снижали // Труд. 1990. № 149. 3 июля

[11]**ГАНО.** Ф. 117. Оп. 1. Д. 286. Л. 7; Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. Вып. 2. М., 1962. С. 225–227; **Фигурнов С.П.** Строительство коммунизма и рост благосостояния народа. М., 1962. С. 194–195.

[12]**ГАНО.** Ф. 11. Оп. 3. Д. 6. Л. 72-73.

[13]**ГАРФ.** Ф. 314. Оп. 2. Д. 1200. Л. 112; Ф. 374. Оп. 3. Д. 1654. Л. 1; Д. 1668. Л. 1; **ГАНО.** Ф. 11. Оп.2. Д. 1609. Л. 1, 15, 29, 46, 69, 70, 88, 109, 110, 125, 126; Д. 1610. Л. 1, 19, 20; Д.2433. Л. 19,23, 40, 58 ,60, 80, 88, 116; Д. 2434. Л.2,20; Д.3191. Л.3,7,21,27,28,37, 42, 53, 54, 58, 108, 110, 142; Оп. 3. Д. 2. Л. 58; Ф. 1650. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.

[14]**ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 26. Д. 1170. Л. 16; ГАНО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 198. Л. 17.

[15]**ГАНО.** Ф. 11. Оп.3. Д. 74. Л. 7–10.

[16]**ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 30. Д. 228. Л. 68; Д. 231. Л. 118; Д. 404. Л. 40; **ГАНО.** Ф. 1650. Оп. 1. Д. 305. Л. 198; **Советская** Сибирь.1949.15 февр; **Болгов В.И.** Внерабочее время и уровень жизни трудящихся. Новосибирск. 1964. С. 55.

[17]**ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 25а. Д. 8654. Л. 3; ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2141. Л. 15, 98.

[18]**ГАНО**. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; Д. 12. Л. 16; Д. 17. Л. 30; Д. 26. Л. 20; Д. 261. Л. 23; Ф. 4. Оп. 33. Д. 2187. Л.127.

[19]**ГАНО**.Ф. 1650. Оп. 1. Д. 12. Л. 17–18; Д. 46. Л. 19.

[20]**Шарипов А.Ю**. Сфера услуг сибирского региона. Новосибирск. 1979. С. 118.

[21]**ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 1710. Л. 5, 6; Д. 2424. Л. 32; Ф. 22.Оп.1. Д. 709. Л. 37; Д. 734. Л. 29.

[22]**КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т .7. С. 278–294.

[23]**ГАНО**. Ф. 22. Оп. 1.Д. 794. Л.25–27; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25а. Д. 8654. Л. 5–6.

[24]**ГАНО**. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1710. Л. 5; Д. 2161. Л. 168; Ф. 1650. Оп. 1. Д. 93. Л. 23; Д. 306. Л. 32; Ф.1020. Оп. 1. Д. 1026. Л. 36.

[25]**Федорова И.В.** Улучшение жилищных условий рабочих Новосибирска в послевоенный период // Из истории рабочего класса Сибири. Новосибирск. 1964. С. 66–67; **Она же.** К вопросу об обеспеченности жильем работников промышленных предприятий г. Новосибирска // Труды Новосибирского инженерно-строительного института. Новосибирск. 1962. Т. 10. С. 68.

[26]**ГАНО**. Ф. 11. Оп. 2. Д. 6678. Л. 96.

[27]**ГАРФ.** Ф. 314. Оп. 2. Д. 9559. Л. 61; **ГАНО**. Ф. 22. Оп. 1. Д. 709. Л. 3-4; Д. 753. Л. 6.

[28]**ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 2161 Л. 168, 170; Д. 2424. Л. 60; Д. 2467. Л. 7-8; Ф. 22. Оп. 1. Д. 881. Л. 179; Ф. 1650. Оп. 1. Д. 37. Л. 34–35.

[29]**Шарипов А.Ю.** Сфера услуг сибирского региона. С. 116.

[30]**Советская** Сибирь. 1948. 28 ноября; ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2161. Л. 170; Д. 2566. Л. 215; Ф. 22. Оп. 1. Д. 316. Л. 23; Д. 493. Л. 27

[31]**ГАНО.** Ф. 22. Оп. 1. Д .656. Л. 71; Д. 794. Л. 35, 58; Д.. 898. Л. 184; Ф. 4. Оп. 33. Д. 2161. Л. 168.

[32]**Куксанова Н.В.** Развитие коммунально-бытового обслуживания в городах и рабочих поселках Западной Сибири во второй половине 1950-х годов.// Социальные аспекты индустриального развития Сибири. Новосибирск. 1983. С. 144, 146; **ГАНО**. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2510. Л. 35.

[32]**Олдак П.Г., Григорьева З.П.** Вопросы изучение региональных различий уровня жизни населения. //Проблемы повышения уровня жизни населения Сибири. Новосибирск. 1965. С.17.

[34]**ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. 2161. Л. 169; Д. 2510. Л. 104; Д. 2568. Л. 215.

[35]**ГАРФ.** Ф. 374. Оп. 30. Д. 5499. Л. 51; Д. 5503. Л. 1-6, 87-88, 96-97; Оп. 32. Д. 3126. Л. 3–4; **ГАНО**. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1140. Л. 12; Д. 2461. Л. 38-39.

[36]**Олдак П.Г., Григорьева З.П.** Вопросы изучение региональных различий...С. 22; **Болгов В.И.** Внерабочее время. С. 46.